

В.С. Груздинская, В.П. Корзун

«НАУКА НЕ ИМЕЕТ ОТЕЧЕСТВА: ЭТОТ ЛОЗУНГ И ВЕРЕН И НЕТ» (ОТКЛИКИ ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ НА 220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264.

Анализируются отклики иностранных ученых на юбилейную коммеморацию, посвященную 220-летию АН СССР (15–30 июня 1945 г.). Это был первый международный форум, проходивший после окончания Великой Отечественной войны. В пространстве юбилея явственно была выражена идея единой мировой науки – наука интернациональна по своей сути и не может быть замкнута в границах одной страны; предложены программы по складыванию единого коммуникативного пространства. В то же время обозначены противоречия между национальным и интернациональным в развитии науки.

Ключевые слова: Академия наук СССР; юбилей; Великая Отечественная война; Победа; ученые; иностранные ученые; советская наука; коммуникативное поле; международное сотрудничество; национальная наука

Академический юбилей на перекресте национального и интернационального: к постановке проблемы

Проблема национального и интернационального в науке как продукта культуры, особого духовного конструкта и как социального института имеет давнюю историю. Эти два модуса в определении образа науки на конкретных этапах социокультурного развития могут рассматриваться и восприниматься либо как антагонистические, либо как вполне сочетающиеся, отражающие коммуникативную суть науки и ее универсализм, с учетом культурных традиций уместования и организации научных институтов науки и образования в той или иной стране.

Как свидетельствуют современные исследования, вопросы соотношения национального и интернационального в науке актуализируются в периоды социальных катаклизмов – войн и революций, хотя не отрицается и влияние факторов внутрисполитических, проявляющихся в научной политике государства [1–4]. Ученый укоренен в культурную атмосферу своего времени и страны и, несмотря на сложившийся этос науки, подразумевающий в том числе коллективизм («коммунизм», «коммунализм»), он подвержен милитаристским или антимилитаристским, этатистским или антиэтатистским и многим другим настроениям. Подобную включенность гениально обозначил О. Мандельштам:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гёте, свищущий на выющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Проблема национального и интернационального в науке по-новому высветилась на излете Второй мировой войны, что отчетливо проявилось в праздновании 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Прежде несколько слов о самом празднике. Юбилейная сессия Академии наук СССР состоялась 15–30 июня 1945 г. Решение о праздновании 220-летия было принято в конце 1944 г. на встрече президента Академии наук В.Л. Комарова с И.В. Сталиным. Глава Страны Советов поддержал идею отметить в 1945 г. юбилей с обязательным приглашением на него иностранных гостей

[5. С. 284]. Позже 21 января 1945 г. вышло Постановление СНК, согласно которому специально создавался Всесоюзный комитет по проведению 220-летия АН СССР. Именно ему вменялось подготовить списки приглашаемых на праздник иностранных ученых. 7 марта 1945 г. первый такой список был готов и отправлен на согласование заместителю председателя СНК В.П. Молотову [6. Л. 12]. Первоначально планировалось пригласить 264 иностранных ученых. Впоследствии эта цифра постоянно уменьшалась. 18 апреля Президиум АН СССР обратился к И.В. Сталину с просьбой разрешить пригласить на юбилейные торжества «156 иностранных ученых и по одному представителю от 54 иностранных научных учреждений» [7. Л. 85], т.е. 210 гостей. Однако решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 мая 1945 г. эта цифра была уменьшена до 198 [7. Л. 42]. Прибывших оказалось и вовсе меньше: по данным одних источников – 123 [8. Л. 229–245], по другой информации – 124 человека [9. Л. 127–154]¹.

Иностранные ученые оставили весьма любопытные отклики на юбилейную сессию АН СССР. Источники, в которых отразилось «эхо» праздника, разнообразны: интервью/газетные и журнальные заметки [10–14], эго-источники [15–16], отчеты [17] и анкеты [18] и др. Многие из них были собраны и сохранились в фонде Всесоюзного комитета по проведению 220-летия АН СССР в Архиве РАН (Ф. 519). Обозначенный сюжет фрагментарно представлен в современной историографии [19–26], исключением является статья Н.А. Куперштох, в которой проанализированы отклики на юбилей в рамках одного заседания [27]. Такая историографическая фрагментация и наше участие в исследовательском проекте, посвященном юбилейной коммеморации, мотивируют замысел авторов данной статьи рассмотреть восприятие советской науки иностранными учеными в контексте проблемы национального и интернационального.

«Звезды не признают национальных границ»: торжество идеи мировой науки на юбилее

Победа в Великой Отечественной войне, возросший статус науки в обществе сказались на самосознании советских ученых. Новые настроения нашли от-

ражение в концептуальном докладе президента АН СССР В.Л. Комарова на открытии юбилейной сессии 16 июня 1945 г., где явственно проводилась мысль о единстве науки. Возвращение к идее единой науки, по мысли академика, – продолжение традиций международного сотрудничества российской и зарубежной науки на протяжении столетий. Но она вытекает не только из логики развития науки и исторического опыта, но также из того вклада, который ученые разных стран антигитлеровской коалиции внесли в общее дело борьбы с фашизмом. Доклад В.Л. Комарова (зачитанный Л.А. Орбели) был положительно воспринят присутствующими. Так, английский ботаник, профессор университета в Сиднее Эрик Эшби (Eric Ashby) назвал это выступление сильным [15. Р. 130], американский антрополог из Иранского института в США Артур Поуп отметил прозвучавший посыл на восстановление поля «единой науки» [10. Л. 37].

Осью концепта единой науки явилось коммуникативное поле, переформатировать которое стремятся представители различных национальных и дисциплинарных сообществ. Наука коммуникативна по своей сути. Как отмечал А.П. Огурцов, «ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть отторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия» [28]. В годы войны научные коммуникации были прерваны либо сведены к минимуму. И, естественно, на юбилейной встрече речь шла о восстановлении сотрудничества как на уровне научных институций, как и между конкретными учеными. Пьянящий воздух Победы в Великой Отечественной войне и живые традиции антигитлеровского сотрудничества создавали особый эмоциональный режим празднования. Так, французский физик, нобелевский лауреат, активный участник Движения Сопротивления, Фредерик Жолио-Кюри (Jean Frédéric Joliot-Curie) после приземления в московском аэропорту 14 июня 1945 г., не скрывая эмоций, говорил корреспонденту ТАСС: «Мне трудно выразить свои чувства в эти первые минуты пребывания на советской земле. <...> Долгие годы война разделяла нас с советскими друзьями. Но и в тяжелую пору, когда Франция была оккупирована врагом, к нам поступали сведения о выдающихся достижениях русских ученых, давших героической Красной Армии – освободительнице народов Европы – мощное оружие победы» [14. С. 1]. В таких же восторженных тонах передает атмосферу праздника науки и Э. Эшби: «Люди, что читали работы друг друга в течение множества лет, наконец, получили возможность пообщаться друг с другом вживую. Нобелевские лауреаты из четырёх разных стран присутствовали на мероприятии: Сент-Дьёрдьи из Венгрии, Жолио-Кюри из Франции, Ленгмюр из Америки и Эдриан из Англии <...>. Несмотря на формальный характер мероприятия, приёмом можно было по-настоящему наслаждаться. Любой мог почувствовать, как узы науки, связывающие разные нации, разорванные войной, начали восстанавливаться. В этих комнатах люди наблюдали восхождение Европейской интеллектуальной жизни» [15. Р. 129].

Личными настроениями – радостью от встречи с научными друзьями – также был пронизан отклик французского биохимика, профессора Сорбонны Этена Обеля (Eucen Aubel). Ученый с большим упоением говорит о свидании с двумя коллегами, о судьбе которых в годы войны ничего не было известно. Это советский ученый Яков Оскарович Парнас, который оказался в оккупированном Львове, откуда был эвакуирован сначала в Киев, а затем в Уфу, и нобелевский лауреат, венгерский биохимик Альберт Сент-Дьёрдьи (Szent-Györgyi Albert), оставшийся в оккупированном немцами Будапеште. По мнению ученого, эти примеры «подчеркивают разницу в поведении по отношению к науке между союзниками СССР и немцами, которая является залогом того, что усилия русских руководителей послужат делу мира так же, как они послужили делу победы в войне» [10. Л. 29 об.].

В приведенных текстах отражаются идеальные модели науки, бытовавшие в ученом сообществе («Республике ученых»), но можно полагать, что это и результат знакомства с достижениями советских ученых, с научной инфраструктурой СССР, и, наконец, с закулисами советской науки.

Научная составляющая академического праздника была разнообразной [23]. На общих заседаниях юбилейной сессии в основном транслировался официальный образ науки, подчеркивалась роль Академии наук и ее представителей в социально-политической истории России, отмечался вклад этого ведущего научного центра в развитие различных областей знания и в Победу в войне. Основными же площадками, где были представлены научные доклады и разворачивались дискуссии, в том числе и с участием иностранных ученых, стали Отделения АН СССР и ученые советы ряда академических институтов. В рамках юбилейных заседаний заслушано 93 доклада отечественных и 36 докладов зарубежных ученых [22. С. 20]. Для участников юбилейной сессии были организованы экскурсии в академические учреждения, научные библиотеки и музеи, которые, естественно, отличались неформальным общением.

Примечательно, что список учреждений, который могли посетить иностранные гости, утверждался на самом верху. Например, в Постановлении СНК от 3 апреля 1945 г. перечислялись данные академические структуры. В общей сложности планировалось показать иностранным гостям 23 учреждения АН СССР в Москве и Ленинграде [7. Л. 41]. В этом списке не оказалось Коллоидно-энергетического института, занимавшегося в довоенный период изучением влияния электрического поля на адсорбцию молекул, в годы эвакуации в Казань – проблемами применения радиационной химии в военной сфере. Данные исследования вызывали немалый интерес среди иностранных ученых, о чем в письме от 31 мая 1945 г. директор института, академик А.Н. Фрумкин поведаль академику-секретарю Н.Г. Бруевичу. Адресант назвал имена гостей, которые очевидно пожелают посетить учреждение: Эрик Ридил², Ирвинг Ленгмюр³, Дункан МакИннес⁴, Нил Адам⁵, Джейм МакБэйн⁶ [29. Л. 28]. Поэтому, продолжал академик Фрумкин, «отсутствие его (Института. – В.Г., В.К.) в официальном утвер-

жденном списке ставит Институт в очень неудобное положение» [29. Л. 28]. Надо сказать, что Коллоидно-энергетический институт все же посетили участники юбилейной сессии. Американский химик, профессор университета Миннесоты Исаак Кольтгоф (Izaak Maurits Kolthoff) в интервью советскому корреспонденту сообщил, что во время торжественных мероприятий был в этом институте дважды. Ученый отметил серьезный фундаментальный подход в исследованиях сотрудников учреждения, сказав: «Работа профессора Фрумкина всегда была для меня большим вдохновением и имела большое значение в наших исследованиях» [10. Л. 14]. Затронул американский химик и проблему организации научного сотрудничества между СССР и США. Исаак Кольтгоф предложил наладить систему обмена молодыми учеными, учредив для того специальные стипендии. Для эффективного научного диалога, по его мнению, также необходимо преодолеть языковой барьер. «Нерусскому миру необходимо будет ввести в свою учебную программу курсы на русском языке, а также представить курсы для российских аспирантов, – говорил химик и дополнил: – Не менее желательно, чтобы интенсивное изучение английского языка производилось в российских вузах» [10. Л. 15].

Аналогичные планы по расширению коммуникации предлагали почти все участники праздника. Секретарь британской делегации, Б. Трип (Brenda Trip), успех советско-британских научных контактов видела в налаживании и продолжении обмена книгами, отписками и рукописями, организацией визитов, выдающихся ученых и специалистов двух стран. И сетовала, что «будет очень жаль, если добрая воля и интерес, накопленные в течение двух недель конференции, не смогут быть продолжены» [17. С. 95].

В этом плане чрезвычайно интересны дневниковые записи канадского экономиста, одного из основателей научного направления по изучению коммуникаций, Гарольда Инниса (Harold Innis) о науке в Советском Союзе. Характер записей объясняется не только хищным взглядом глазомера ученого, привыкшего все фиксировать и по ходу дела размышлять над увиденным, встраивать фрагменты увиденного в общую цивилизационную картину. Дело в том, что пребывание Г. Инниса на юбилее Академии носило не только характер личного приглашения и собственного интереса к России⁷. Как утверждает современный исследователь Уильям Дж. Бакстон, ученый получил задание от Министерства иностранных дел Канады изучить советский опыт освоения Арктики и организации горнорудной промышленности: «По негласному соглашению Иннис мог использовать эту поездку в качестве миссии по установлению фактов для предоставления канадским официальным лицам информации о Советском Союзе, в частности о том, что Россия делает в своих арктических регионах» [30. Р. 248]. В этой связи любопытны заметки Г. Инниса о посещении Арктического института в Ленинграде 28 июня 1945 г. [16. Р. 38]. Делегацию встречали директор института адмирал В.Х. Буйницкий, получивший звание «Герой Арктики» как участник полярного дрейфа на ледоколе «Седов», и помощник директора,

профессор В.Ю. Визе. Автор дневника сообщает, что Арктический институт «тщательно изучает ледовую обстановку с помощью авиации и составляемых ежемесячно карт состояния льда» [16. Р. 38], жизненно необходимых для навигации в Арктике. Иннис делает подробную зарисовку советских исследований Арктики, фиксируя время открытия навигации на Севере, сложность и изменения ледовой обстановки на разных мысах, отмеченную в институте тенденцию к потеплению климата Арктики – к западу от Гренландии, отмечая при этом влияние континентальных речных вод на температуру и направления ветров.

Посетив 30 июня 1945 г. Институт геофизики в Москве, ученый отметил план колоссального развития метеорологии в СССР, квалифицированный персонал («хорошо обученные энергичные молодые люди»), приемлемый уровень оплаты труда: «Неквалифицированные рабочие – от 250 до 450 рублей в месяц. Технические помощники – 700, молодые инженеры 700–1600. Пропитание по карточкам – ежемесячный паек, приобретаемый по карточкам 150 рублей в месяц. Две комнаты плюс кухня 30–40 рублей в месяц, свет, газ и т.д. 10 рублей. Одинокие люди получают одну комнату» [16. Р. 38].

Высокий уровень организации метеорологической службы в СССР отметили и американские коллеги – Меррил Бернارد (Merrill Bernard) и Френсис Рейчелдерфер (Reichelderfer Francis). Оба гостя выразили надежду на сохранение контактов, сложившихся в военные годы, отметили большую заслугу генерал-лейтенанта Е.К. Федорова, возглавлявшего в это время Гидрометслужбу СССР. Профессионалы хорошо осознавали общую значимость для всего человечества своих метеорологических исследований и особую миссию ученых в укреплении международного сотрудничества: «Метеорологи в своем большинстве обычно интернационально ориентированы, потому что климат и погода, с которыми они имеют дело, являются всемирными явлениями, которые не знают национальных границ» [10. Л. 58].

Камерные встречи в пространстве юбилея оказались гораздо более ценными для его участников с интеллектуальной и человеческой точек зрения. Об чем свидетельствует описание юбилейных мероприятий Э. Эшби. Ученый отметил, что они были менее формальными, а некоторые вообще неформальными и даже не предусмотренными протоколом. «Иностранные делегаты и советские ученые, – отмечает Э. Эшби, – смогли насладиться компанией друг друга. Обе стороны выражали восторг по поводу теплых взаимоотношений, которые возникли так быстро и спонтанно, но всё равно смогли преодолеть идеологический и языковой барьер» [15. Р. 134]. Неоднократно упоминаемый нами Г. Иннис также фиксирует особую атмосферу подобных встреч профессионалов. Интересны его записи от 18 и 23 июня о заседаниях в Отделении истории и философии АН СССР. Он пишет, что на встрече с коллегами-историками было заслушано несколько интересных докладов о древних славянах⁸ и социально-экономической истории Англии. Эти встречи наводят автора дневника на мысли об адаптивных потенциях советской гуманитаристики

и о превратности судеб марксизма в России. Он отмечает высокопрофессиональную конкретику и ритуализацию марксистской догматики. Р. Бакстон, ссылаясь на воспоминания сотрудницы отдела общественных наук Фонда Рокфеллера А. Безансон, воспроизводит его интересные размышления по поводу этой встречи и надежды ученого на расширение коммуникаций между советскими и канадскими исследователями: «Мы действительно нашли решительные усилия продолжить традицию Виноградова⁹ в изучении английского землевладения. Они провели семинар (по этой проблеме. — *В.Г., В.К.*) и посвятили меня и Тоуни¹⁰ в свою работу, и они очень внимательно выслушали длинный ряд комментариев Тоуни по аграрным проблемам в шестнадцатом и семнадцатом веках. Я предполагаю, что у них есть несколько аспирантов, готовых приступить к работе в Англии, как только появятся ресурсы. Я уверен, что любые усилия в этом направлении будут высоко оценены в России и значительно укрепят позиции ученых в России. Мне казалось, что они только на словах говорят о Марксе, а лучшие из них даже этого не делают, и важно, чтобы мы попытались их поощрить» [30. Р. 251]. Советские источники, репрезентируя эту встречу, отмечают, что английские ученые проявили большой интерес к работам отечественных исследователей по истории Англии, пригласили к сотрудничеству в английских исторических журналах, а также предложили посетить в ближайшее время Англию и Канаду [31. С. 555–556].

Г. Иннис также дает высокую оценку экономической науке в СССР и считает, что она могла бы многое предложить Западу и заслуживает поддержки. Но в своих заключениях автор дневника противоречив. Полученные впечатления он обобщает уже на обратном пути — в записи от 3 июля читаем: «...в трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике». И все же заключает автор: западная цивилизация может многому научиться у России, как и Россия может многому научиться у западной цивилизации [16. Р. 47]. В диалоге цивилизаций он отводит науке исключительно важную роль, по существу говорит о ее гуманистической направленности, истина всеобща... Но как активный игрок на научном поле, он не может не видеть сложностей существования науки в современном мире, связанных с политической конъюнктурой, национализмом, догматизмом и предубеждениями, зависимостью от конъюнктуры рынка, «когда ученые становятся журналистами и рекламодателями», стремлением военных использовать науку в своих интересах. Отмечает он в качестве негативного фактора соперничество кафедр и университетов.

Расширение коммуникаций между советскими и канадскими учеными становится магистральной темой последующих статей и выступлений Г. Инниса в канадской прессе. В канадском обществе этот интерес к прошлому и настоящему России, налаживанию с ней связей отчетливо проявился уже в годы Второй мировой войны. Примером, иллюстрирующим этот процесс, является цикл лекций по русской истории, прочитанный осенью 1944 г. в университете Торонто,

и разработка программы обмена студентами (по аналогии с американским опытом). После возвращения Г. Инниса из СССР осенью 1945 года в университете Торонто был сформирован специальный комитет по развитию направления русистики, который определил основные направления развития «русской темы» и выделил значительную сумму на приобретение русских книг¹¹. Об этом же упоминал в своем интервью советский прессе и другой канадский ученый — Ганс Селье (Hans Seile) [10. Л. 84].

Наиболее афористически точно идея единой науки прозвучала в отклике американского астронома Харлау Шепли (Harlow Shapley). Подчеркивая «научное родство» Пулковской обсерватории и обсерватории Гарварда, ученый заявил: «...наука — это не только национальная наука. Звезды не признают национальных границ». По его мысли, единство науки основано на союзе ученых в битве против «неизвестного». Такое сотрудничество, считает астроном, «должно продолжаться не только в науке, где оно легко, естественно и необходимо, но и во всех областях, включая искусство и общественную деятельность человечества» [10. Л. 75–76]. С наукой связываются надежды на построение идеального мира и затягивание шрамов недавней войны. От лица американских ученых эту мысль высказал Артур Поуп: «...считаем этот праздник особенно важным, ибо он благородно подтверждает созидательную роль бескорыстной науки в формировании лучшего мира» [10. Л. 85]. В другом выступлении ученого этот мотив рационального переустройства мира выражен более определенно, и он связан с подчеркиванием особой роли в этом переустройстве русской науки, именно русские, по его мнению «подтвердили всеобщую солидарность в стремлении к бескорыстному знанию, в стремлении к идеям и идеалам, которые объединяют людей всех наций и вероисповеданий, чтобы помочь построить на основе достоверного знания лучший мир, которого мы еще не видели, но на который мы надеялись» [10. Л. 36]. Приведенные высказывания своеобразная иллюстрация процесса, который характеризуется повышением наукой своей субъектности.

Примечательно, что в пространстве юбилея рождается идея институализировать «единство науки». Английский биофизик Джозеф Нидхем (Joseph Needham) выступил с инициативой создания Международной службы научного сотрудничества. Им был подготовлен и разослан «Меморандум о месте науки и международного сотрудничества в послевоенной мировой организации»¹². Известно, что копии документа получили С.В. Кафтанов, П.Л. Капица, Н.Г. Бруевич. Этот документ, по всей вероятности, обсуждался физиком на встрече с председателем правительственного комитета по делам высшей школы и по совместительству уполномоченным ГКО по науке С.В. Кафтановым, где также присутствовали британский ботаник Джулиан Хаксли (Julian Huxley), французский физик Пьер Оже (Pierre Auger), Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, американский физиолог Детлев Бронк (Detlev Bronk) и уже упоминавшиеся химик Дж. МакБейн и ботаник Э. Эшби.

«Наука для народа»: национальные черты

В данном разделе статьи мы намерены рассмотреть особенности советской науки, зафиксированные в откликах участников юбилея. Понятно, что юбилейный нарратив приветствий в адрес Академии и ее интеллектуальных героев не предполагает критики, но, тем не менее, нельзя не обратить внимания на некоторые повторяющиеся характеристики советской науки, прежде всего в институциональном аспекте, отмеченные положительными коннотациями. Однако стоит отметить, что в дневниковых записях «для себя» и в исследовательских текстах, пытающихся по «горячим» следам отрефлексировать увиденное, отражена более сложная и противоречивая картина развития советской науки, предпринимаются попытки осмыслить ее специфику. Кто-то это делал, как музыкант, играя с листа незнакомую партитуру, кто-то, как, например, Э. Эшби, мог апеллировать к своему опыту пребывания в Советском Союзе в качестве советника по науке при австралийском посольстве, кто-то, обращаясь к сложившимся отношениям сотрудничества в период между двумя мировыми войнами, что было характерно в большей мере для физиков, математиков, археологов/антропологов. Всматриваясь в праздничное полотно репрезентации советской науки, многие из них на этом экране видели отражение собственных проблем и в то же время отмечали специфические черты советской науки.

В плане институционально-организационном отмечалась значительная роль государства. Индийский физик, профессор Калькуттского университета Мегнад Саха (Meghnad Saha) рассматривает советскую науку как образец, как действенный инструмент успешного решения социальных проблем. Так, в неопубликованном фрагменте заметки для газеты «Вечерняя Москва» ученый проводит параллели между Россией 25-летней давности и современной Индией. Россия образца 1918 г., отмечает М. Саха, находилась на том же уровне развития, что Индия в 1945 г.: 90% населения – это крестьяне, «влачащие голодное существование», промышленная сфера развита слабо и во многом зависима от иностранного капитала [10. Л. 60].

Однако благодаря индустриализации, в которой, подчеркнул автор, важную роль сыграло академическое сообщество, России удалось шагнуть далеко вперед, став одной из самых передовых стран в технологическом плане. И этот опыт М. Саха оценивает как руководство к действию для политических лидеров и ученых мужей Индии. Физик пламенно призывает соотечественников отказаться от «ложных теорий “альтруизма”», ведь, по его мнению, «религия и прятка не могут излечить болезни Индии» [10. Л. 61]. В решении социально-экономических проблем следует опираться на науку, как это сделал Советский Союз.

Показателен интерес иностранных участников к организационной структуре Академии наук СССР. Например, в личном фонде президента Сербской академии наук и словесности, филолога-слависта А.И. Белича сохранились рукописные заметки, посвященные данному сюжету. Ученый подробно заспектировал основные положения действующего

устава учреждения (принятого в 1935 г.) [32]. А.И. Беличем была зафиксирована структура академического центра, что позволило ему сравнить советскую и возглавляемую им сербскую Академию. Автор отметил, что Академия наук как высший научный центр СССР, в котором работают ведущие специалисты страны, призвана содействовать «общему подъему теоретических, а также прикладных наук», обогащая и развивая тем самым «мировую научную мысль» [32]. Академия наук СССР, зафиксировал ученый, имеет более мощную и развитую структуру и включает 151 институт и других структур (лаборатория, музей, библиотека), 4 213 научных высококвалифицированных работников, 44 журнала (из них три на французском и английском языках) [33].

Универсальность советской Академии наук, объединившей и естественников и гуманитариев, британский археолог Чайлд Гордон (Childe Gordon) называл позитивным. По его мнению, подобная практика способствует «взаимопониманию и помощи различных отраслей исследований» и с сожалением констатирует, что в Лондонском Королевском обществе представлены только естественные науки [10. Л. 84].

На юбилейных выставках была экспонирована современная советская литература по всем отраслям научного знания. Объем и репрезентация новейших достижений советской науки впечатлила гостей. «Размах публикаций огромен» [16. Р. 36], – напишет в своем дневнике Г. Иннис, а Б. Трип сообщает о 16 чемоданах книг и оттисков статей советских ученых, приготовленных членами британской делегации для пересылки. Профессор университета в Уппсале, метеоролог Хельге Гётрик Баклунд¹³ для местной газеты подготовил очерк «Юбилей русской Академии наук является историческим событием», в которой упоминал, как его коллега, участник юбилейной сессии, профессор Хультен¹⁴ «захватил с собой по крайней мере 5 метров новой русской литературы, если поставить на полку». Сам же автор признавался, что привез из СССР «порядочных полтора метра» книг [11. Л. 34].

Академический праздник приоткрыл для иностранных ученых кулису советской повседневности. Артур Поуп с нескрываемым восторгом говорил не только о хорошем техническом оснащении институтов и лабораторий, которые были показаны участникам юбилейной сессии в рамках экскурсионной программы сессии, он и воспроизводит миф, что «у каждого члена Академии наук есть свой автомобиль, свой шофер, свой секретарь» [10. Л. 37]. Реальность же была более сложной, чем это было показано/увидено. Перечисленный американцем набор привилегий, бесспорно, относился к генералам советской науки – небожителям академического Олимпа. Рядовые же сотрудники АН СССР столкнулись с серьезными трудностями по восстановлению расстроенного военного и эвакуацией быта. Так, накануне юбилейных торжеств были выделены средства для обеспечения научных работников АН СССР необходимым, а именно – верхней одеждой, костюмами, одеялами, постельное и нательное белье (!) [7. Л. 39].

В откликах значительной части участников академического праздника государственная поддержка

ученых оценивается положительно и рассматривается как сильная сторона советской науки. Но были и другие наблюдения, не высказываемые публично, в которых фиксировались «доминирование государства и вождей», полная зависимость от государственного бюджета, «утилитаристский» mainstream – «акцент на пользе, а не на теории» [16. Р. 25], репрессивное давление на ученую корпорацию [16. Р. 44; 17. С. 93], перераспределение ролей внутри сообщества и наделение высоким статусом членов корпорации вне зависимости от научных заслуг.

К примеру, Б. Трип передает мнение одной из сотрудниц Академии наук, что «чистых» генетиков на юбилейных торжествах не оказалось, а презентация достижений советской генетики свелась к представлению «опытов» Т.Д. Лысенко. Э. Эшби в анкете в вопрос «Что вы нашли особенно интересным здесь, в вашей отрасли науки?», назвал в том числе и «ряд новых работ по генетике растений, особенно по межвидовым скрещиваниям» [18. Л. 2]. Примечательно как данный ответ коррелировался на страницах разных периодических изданий. Так, например, в номере от 15 июля 1945 г. «Британского союзника» помещен его очерк о советской ботанике [12. С. 10]. Там много говорилось о работе Института ботаники, Тимирязевского института, назывались имена наиболее выдающихся исследователей и их открытия. Не оказалось в этом ряду фамилии Лысенко. А вот в «Вечерней Москве», наоборот, в репортаже от 22 июня о посещении иностранцами институтов и лабораторий Академии наук подробно освещено заседание Отделения биологических наук, где с докладом «Технические основы управления наследственностью у растений» выступил Т.Д. Лысенко. По поводу этих исследований Эрик Эшби корреспонденту советской газеты сказал: «Я давно уже знаком с работами академика Лысенко в области яровизации. Но сейчас я особенно рад, что получил возможность лично познакомиться с ученым, и на месте, в Москве, получить интересные меня материалы» [13. С. 1]. Ответ достаточно дипломатичен, чего не скажешь о его оценке советского академика в англоязычной книге, вышедшей спустя два года – в 1947 г., в которой он относит Лысенко к амбициозным и безответственным ученым, прославившемуся в том числе за счет важности популяризации научного знания в СССР [15. Р. 187].

Наука в Советском Союзе стала признанной частью государственного престижа, а ученый наделялся функциями производителя знания и привнесения его в народ. Особое отношение к науке и ученому в массовой культуре зафиксировали многие участники юбилея. Обратимся к примерам. Якоб Хейман (Jacob Heiman), представляющий издание «Американское обозрение советской медицины», отмечает интерес простых людей к науке: «Газеты посвящают страницы предметам научного интереса, не омраченным рекламой. В кинотеатрах стены увешаны интересными данными по биологии, зоологии и другим познавательным материалам. Наука и разум заменили суеверия» [10. Л. 73]. В интервью Чайлда Гордона также отмечается эта культурная специфика: «Я был очень впечатлен общественным положением и большим

авторитетом, которым пользуются ученые в вашей стране. Ваш народ, кажется, интересуется наукой гораздо больше, чем другие народы мира: научная деятельность – это новости на первых полосах газет, вы находите для нее место чуть ли не каждый день. Это помогает демократизировать науку, что очень необходимо. В частности, в моей сфере деятельности – археологии, где население может нам активно помогать» [10. Л. 83].

А один из участников юбилейной сессии делает миниатюрную зарисовку популяризации науки, с мастерством писателя, в которой наука предстает как контекст повседневности. Воспроизведем ее полностью: «Место действия – сапожная фабрика в Москве. В швейной комнате около 200 девочек и детей работают за машинками. На одном конце доски, площадью около сорока квадратных футов, приколоты яркие цветные диаграммы, иллюстрирующие птолемеевскую, коперниковскую и ньютоновскую теории Солнечной системы, а также теорию относительности. На фабрике проводится курс лекций по астрономии, и графики меняются от недели к неделе. Говорят, что посещаемость стопроцентная» [15. Р. 195].

Участники юбилейной сессии удивлялись многочисленным приветствиям в адрес АН СССР не только со стороны власти и различных научных учреждений, что было укоренено в культуре празднования академических юбилеев, но и от трудящихся на фабриках и заводах, удивлены и впечатлены тем, что на пленарном заседании они лицезрели как самые высокие армейские чины «сражающейся Армии, торжественно вошли в зал <...>, чтобы публично выразить благодарность советским учёным за их роль в завоевании Победы» [10. Л. 22]. Как и применительно уже к первому по-советски отмечаемому академическому юбилею в 1925 г., когда местом торжеств стали «не только дворцы, но и площади, заводы и фабрики; участниками не только академики и вожди, а все работники науки и трудящиеся массы» [34. С. 206], в юбилейном действе 1945 г., иностранные гости отметили митинги/приветствия в честь ученых и науки.

Несколько таких сцен запечатлено в книге Э. Эшби. На пути в Ленинград поезд с иностранными гостями остановился на станции Любань, где их восторженно приветствовали местные жители. Такой же прием ждал участников юбилея и на привокзальной площади Северной столицы. Автор пишет об этих моментах с симпатией и одновременно с подозрением на постановочную часть («участникам выдали букеты цветов») [15. Р. 137–138]. Он же и попытался осмыслить данный культурный феномен, объясняя его высоким символом веры, характерным для русской культуры, прежде всего, для русской литературы. Эшби полагает, что менталитет русского человека не изменился и после революции: «Их сила духа, их наивность и отсутствие лицемерия в словах, экстраординарная смесь жесткости и доброты, хитрости и честности, их привычка оправдывать поступки, совершенные людьми “Волей Божьей”: все это отразилось в произведениях девятнадцатого века. И все это осталось в среднестатистическом Советском гражданине. Русский менталитет влияет на Советскую науку

точно так же, как влияет на Советскую поэзию и политику. Это объясняет, как слабые, так и сильные стороны Советской науки: сильные стороны, например, поисково-разведывательные работы, а слабые – статистические исследования» [15. Р. 146]. Следующую причину он связывает с внутренними факторами развития науки. Популяризация имманентно присуща науке как социокультурной системе, на рубеже XIX–XX вв. в связи с научной революцией и переходом к массовой науке наблюдается популяризаторский всплеск. В рамках советской цивилизации этот всплеск был усилен таким фактором, как концептуальная установка на замену религиозных верований абсолютной верой в науку. Ссылаясь на авторитет Эдуарда Эррио¹⁵, он констатирует, что советская власть наделила науку всем авторитетом, которого она лишила религию. «Многочисленные святые дни Церкви в значительной степени заменяются энергичным геронтопоклонством перед живыми и мирянами – канонизацией умерших ученых» [15. Р. 186]. В качестве примера он обращается к празднованию 100-летнего юбилея И.И. Мечникова в мае 1945 г., который вылился, с его точки зрения, в канонизацию ученого: «Каждый школьник слышал об этом. Это было по радио. Ее (биографию. – В.Г., В.К.) читали в клубах колхозов и в газетных стендах, стоящих на тротуарах <...>. К вечеру 15 мая 1945 г. миллионы российских граждан знали имя Мечникова и могли бы рассказать вам, что он работал над фагоцитами и иммунитетом, сравнительной эмбриологией и проблемой старости» [15. Р. 191].

На выходе такая культурная практика дает неоднозначный результат – происходит повышение статуса науки и ученого в обществе, с одной стороны, и неизбежное упрощение ее, приспособление к «профанному» сознанию – с другой, что вносит серьезные изменения в критерии научности. Обратной стороной популяризации является преувеличение достижений российских ученых, как средство раздувания национальной гордости. Эта практика в последнее время, по Э. Эшби, «приобрела форму удивительного утверждения, что многие важные открытия произошли именно в России» [15. Р. 219]. Автор, таким образом, на советском научном поле зафиксировал специфику противопоставления себя остальному миру: советское значит отличное. Отчетливо эта тенденция проявилась несколько позже в иных международных и внутриполитических контекстах.

Автор размышлений об особенностях советской науки констатирует, «что нигде в мире, даже в Америке, нет такого широкого интереса к науке среди простого народа, как в России» [15. Р. 186]. А Г. Иннис в своем дневнике запишет ключевую фразу, характеризующую, с его точки зрения, национальную специфику: «Русские поклоняются знаниям».

Отметили иностранные гости и претензии советской науки на лидирующие позиции в мировом научном сообществе. В частности, об этом упоминалось в отчете Б. Трип, которая ссылается на незапланированное заседание Президиума АН СССР 23 июня 1945 г. Академик П.Л. Капица, приветствуя гостей на

английском языке, говорил о необходимости продолжения международного научного сотрудничества [17. С. 95]. Более подробно речь советского физика передана Э. Эшби, что представляет для современного исследователя особую ценность в силу того, что в протокол заседания Президиума речь П.Л. Капицы не попала [7. С. 6]. Размышляя о последствиях юбилейной сессии, П.Л. Капица отметил, что не существует «такой вещи, как Советская наука и Британская наука: есть только наука, цель, которой облегчать жизнь человечеству» [15. Р. 137]. Однако при этом академик подчеркнул уникальность советской науки, продемонстрированную во время празднования 220-летия АН СССР, сам факт которого он связывает с Победой Советского Союза. А далее, в риторике, не свойственной академическому канону, ученый акцентирует внимание на роли правительства, которое организовало и доставку иностранных участников на своих самолетах, и предоставило им место для проживания, и накормило гостей [15. Р. 137]. И в конце П.Л. Капица восклицает: «Какая страна пойдет на такое ради науки? Это доказательство того, что СССР намерен занять лидирующую роль в развитии науки» [15. Р. 137]. Академик предложил три направления стимулирования международного сотрудничества: 1) распространение за рубежом советской научной литературы на русском, английском и французском языках; 2) публикация иностранных авторов в советских изданиях («Если хотите, чтобы ваша работа была опубликована и получила должное внимание, позвольте нам заняться публикацией» [15. Р. 137]); 3) участие в интернациональных коллаборациях (симпозиумы, конгрессы, конференции).

В позиции П.Л. Капицы можно услышать, как это не покажется парадоксальным на первый взгляд, созвучие сталинскому новоимперскому мейнстриму и настроениям значительной части отечественного научного сообщества – признание авангардной роли советской науки в том числе и в конструировании коммуникативного поля, стягивающим его центром/ядром является именно Советский Союз [35. С. 62].

Переплетение национального и интернационального представлено нами как сложная проблема. Это понимали участники юбилейного действа. Показательна запись в книге отзывов о посещении выставки приветственных адресов и телеграмм в честь 220-летия АН СССР, сделанная одним из них: «“Наука не имеет Отечества”: этот лозунг и верен и нет» [36. Л. 10 об.]. Торжество идеи «единой науки» и формирования единого коммуникативного поля оказалось краткосрочным. Надежды на гуманизацию общества и роли в этом процессе науки не оправдались, «поле коммуникативных практик свертывается, развитие науки переводится в режим автаркии» [37. С. 67]. «Железный занавес» холодной войны опускался все ниже, в этих условиях, как и после Первой мировой войны, актуализировалась идея национально-государственной науки, отражающая не только противоречия переустройства мира в геополитическом измерении, но и вызовы послевоенной модернизации, практики мобилизации интеллекта для восстановления экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Список иностранных гостей дополнен: «Лахути Абулгасым – 1887 г.р. – иранец – поэт» [9. Л. 62].
- ² Ридил Эрик (Eric Rideal, 1890–1974) – британский химик, специализирующийся в области коллоидной химии. Президент Фарадеевского общества (The Faraday Society). На юбилейные торжества приехать не смог.
- ³ Ленгмюр Ирвинг (Irving Langmuir, 1881–1957) – американский химик, лауреат Нобелевской премии (1932) за открытия в области химии поверхностных явлений.
- ⁴ МакИннес Дункан Артур (MacInnes Duncan Arthur, 1885–1965) – американский химик, профессор Рокфеллеровского института медицинских наук.
- ⁵ Адам Нил Кенсингтон (Adam Neil Kensington, 1891–1973) – британский химик, специалист в области химии поверхностных явлений. Член Лондонского Королевского общества.
- ⁶ МакБейн Джейм Уильям (McBain James William, 1882–1953) – химик, член Лондонского Королевского общества, профессор Стенфордского университета.
- ⁷ Известно, что Иннис проявлял серьезный интерес к истории России. На значительное место российского материала в его научном творчестве обращают внимание современные канадские исследователи (В. Кристиан, Р. Бакстон, Р. Аллен и др). В своих ранних работах по транспорту (строительство Канадской Тихоокеанской железной дороги и ее роль в экономике страны) и в исследованиях современной пушной промышленности Канады он использовал данные по России. В последнем случае речь шла о «Евроазиатской» и российской торговле пушниной, чтобы поместить канадскую пушную промышленность в международный контекст (1927). В его более обширной «истории пушной торговли», опубликованной тремя годами позже, также часто упоминалось взаимодействие между русскими торговцами пушниной и развитием промышленности в Канаде (1930-е годы) <...> интерес Инниса к России, углубленный его обзорными очерками послужил основой для спонсируемого Фондом Рокфеллера Арктического исследования под эгидой канадского совета по исследованиям в области социальных наук». См.: [30. Р. 248].
- ⁸ Как полагают Д.М. Колеватов и В.П. Корзун, скорее всего Г. Иннис имел в виду доклады акад. Б.Д. Грекова (Образование Древнерусского государства) и проф. П.Н. Третьякова (Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства), хотя это мог быть и доклад В.И. Пичеты, заслушанный в секторе славяноведения. См.: [26. С. 211–212].
- ⁹ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – русский историк, специализирующийся на социально-экономической истории средневековой Англии.
- ¹⁰ Тоуни Ричард Генри (Richard Henry Tawney; 1880–1962) – британский историк, занимавшийся изучением экономических проблем Англии в XVI – XVII вв. Член лейбористской партии.
- ¹¹ Рекомендации по закупке русской литературы в университет был приглашен филолог, консультант по славянской истории Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, выходец из России Сергей Якобсон. См.: [30. Р. 260].
- ¹² К сожалению, на данном этапе исследования этот документ нами не обнаружен. Об инициативе Дж. Нидхема известно из опубликованного отчета Б. Трип [26. С. 95].
- ¹³ Баклунд Хельге Гётрик (Helge Götrik Backlund, 1878–1958) – шведский метеоролог, географ. Родился в семье академика Российской академии наук, астронома Оскара Андреевича Баклунда. В 1902 г. окончил Петербургский университет. До революции 1917 г. работал в Геологическом музее РАН. С 1924 г. – профессор Уппсальского университета.
- ¹⁴ Хультен Эрик (Oskar Eric Gunnar Hultén, 1894–1981) – шведский ботаник, специалист по флоре Аляски и Восточной Европы.
- ¹⁵ Эдуард Эррио (Édouard Marie Herriot) – французский политик, лидер партии радикал-социалистов. В 1922 г. посетил Россию. По мотивом этого путешествия им было написано несколько книг – «La Russie nouvelle»/«Новая Россия», «Восток».

ЛИТЕРАТУРА

1. Crawford E. Nationalism and internationalism in science, 1880–1939. Four studies of the Nobel population. Cambridge, 1992.
2. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург ; Омск, 2000.
3. Дмитриев А.Н. От академического интернационализма – к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 32–56.
4. Сборник «Русская наука»: замысел и опыт реализации // Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука») : статьи и документы. СПб. ; М., 2016. С. 11–105.
5. Груздинская В.С., Корзун В.П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 281–293.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 3559. Л. 12.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 137.
8. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 50.
9. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 34.
10. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 584.
11. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 585.
12. Британские ученые об успехах советской науки // Британский союзник. № 28. 15 июня 1945. С. 10.
13. Достижения советских ученых // Вечерняя Москва. № 145. 22 июня 1945. С. 1.
14. Накануне юбилейной сессии Академии наук СССР // Правда. 1945. 14 июня. № 141. С. 1
15. Ashby E. Scientist in Russia. New York, 1947.
16. Innis H. The Russia Diary // Harold A. Innis: Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis. Toronto, 1981. P. 13–50.
17. Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.
18. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 583.
19. Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1 (46). С.21–25.
20. Кременцов Н.Л. Плоды победы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 794–795.
21. Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 31–37.
22. Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы ВОВ // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. № 2. С. 19–24.
23. Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
24. Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия: История России. Т. 19. 2020. № 2. С. 374–392.
25. Лиманова С.А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.
26. Корзун В.П., Колеватов Д.М. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219.

27. Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // *Всеобщая история*. 2020. № 2. С. 3–11.
28. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 1993. № 3. URL: <http://old.iht.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm> (дата обращения: 22.12.2020).
29. АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 41.
30. Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath// *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations* / Edited by William J. Buxton. London : McGill-Queen's University Press Montreal, 2013. P. 246–272.
31. Юбилейная сессия АН СССР 15 июня – 3 июля 1945 г. : в 2 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
32. Архив Српска академја наука и уметности, ф. Александра Белића, 14386-III/2154.
33. Архив Српска академја наука и уметности, ф. Александра Белића, 14386-III/2155.
34. Сорокина М.Ю. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // *На переломе: Отечественная наука в конце XX–XXI вв.* СПб. : Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 206–235.
35. Корзун В.П. Юбилей Академии наук в первой половине XX века: конструирование коммуникативного поля // *Наука как общественное благо : сб. науч. ст. : в 7 т. М. : Русское общество истории и философии науки, 2020. Т. 5. С. 60–63.*
36. АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 581.
37. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2020 г.

“Science Has No Fatherland: This Slogan Is Both True and Not” (Foreign Scientists’ Responses on the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 85–94.

DOI: 10.17223/15617793/472/11

Victoriya S. Gruzdinskaya, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru

Valentina P. Korzun, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: korzunv@mail.ru

Keywords: USSR Academy of Sciences; anniversary; Great Patriotic War; Victory; scientists; foreign scientists; Soviet science; communication field; international cooperation; national science.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-09-00264.

In this article, the responses of foreign scientists to the jubilee commemoration dedicated to the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (June 15–30, 1945) are analyzed. The aim of this article is to clarify the trend of reformatting the communicative field of science in a unique historical period suffused with the pathos of the Victory, fresh memories of the joint struggle within the anti-Hitler coalition, hopes for building a better world. The source basis of the study is representative. It includes interviews of foreign guests published both in the Soviet Union and abroad, ego sources, reports, and questionnaires. Many of them were collected and preserved in the papers of the All-Union Committee for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Archive of the Russian Academy of Sciences (No. 519) and among the personal papers of Academician V.L. Komarov (No. 277). One of the reports of the British delegation is preserved among the personal papers of Sir Henry Dale in the Archives of the Royal Society. V.S. Gruzdinskaya, one of the authors of this article, and M. V. Kovalev co-published this document. The indicated subject is studied fragmentary in modern historiography, the exception is an article by N.A. Kuperstoch, “The image of science in the post-war world: the anniversary conference of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in June 1945”, which analyzes the responses to the anniversary in the framework of one of the sessions. The anniversary is treated as a communicative platform. In the present article, it allows clarifying the ideas and concepts of national-state science and the ideas of academic internationalism, which involves the use of methods of social and intellectual history. In the space of the anniversary, the idea of a common world science was expressed clearly. Science is international by nature and cannot be confined within the borders of one country. Programs for the formation of a common communicative space were proposed. It was planned to organize an international scientific publishing house, an international abstract journal, an intensive exchange of scientists and students, holding of symposiums, conferences, seminars, and unification of the scientific language. The idea of institutionalizing the “unity of science” emerged. Joseph Needham, an English biochemist, put forward an initiative to create an International Service for Scientific Cooperation. He prepared a memorandum, “The Place of Science and International Scientific Cooperation in Post-war World Organisation”. The responses of the foreign participants of the commemoration show the image of Soviet science and some of its national features. One of them was called rootedness in popular culture, which reflected the scale of scientific achievements’ popularization. The reverse side of popularization was the exaggeration of Russian scientists’ achievements as a means of inflating national pride. Thus, one of the participants of the celebration, Sir Eric Ashby, captured the specifics of the opposition of Soviet science to the rest of the world – Soviet means excellent. This trend was clearly manifested somewhat later in other international and domestic political contexts.

REFERENCES

1. Crawford, E. (1992) *Nationalism and internationalism in science, 1880–1939. Four studies of the Nobel population*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Korzun, V.P. (2000) *Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv.: Analiz otechestvennykh istoriograficheskikh kontseptsii* [Images of Historical Science at the Turn of the 20th Century: Analysis of domestic historiographical concepts]. Yekaterinburg; Omsk: Omsk State University; Ural State University.
3. Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma – k sisteme natsional’no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinskiy, E.I., Beyrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–56.
4. Baturin, Yu.M. (ed.) (2016) *Sud’ba proekta “Russkaya nauka”. 1916–1920 (k 100-letiyu komissii po izdaniyu sbornika “Russkaya nauka”) : stat’i i dokumenty* [Fate of the project “Russian Science”. 1916–1920 (to the 100th anniversary of the Commission on the publication of “Russian science”): articles and documents]. Saint Petersburg; Moscow: [s.n.]. pp. 11–105.

5. Gruzinskaya, V.S. & Korzun, V.P. (2019) "The anniversary, as it seems to me, will be a nationwide event ...": Documents on the history of the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – Herald of Omsk University. Series Historical Studies. 3. pp. 281–293. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.281-293
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. Fund 17. List 125. File 3559. Paper. 12. (In Russian).
7. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 3. List 33. File 137.
8. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 50.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 34.
10. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 584.
11. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 585.
12. Britanskiy soyuznik. (1945) Britanskiye uchenye ob uspekakh sovetskoy nauki [British scientists about the successes of Soviet science]. *Britanskiy soyuznik*. 28. 15 June. P. 10.
13. Vechernyaya Moskva. (1945) Dostizheniya sovetskikh uchenykh [Achievements of Soviet scientists]. *Vechernyaya Moskva*. 145. 22 June. P. 1.
14. Pravda. (1945) Nakanune yubileynoy sessii Akademii nauk SSSR [On the eve of the anniversary session of the USSR Academy of Sciences]. *Pravda*. 141. 14 June. P. 1
15. Ashby, E. (1947) *Scientist in Russia*. New York: Penguin Books.
16. Innis, H.A. (1981) *Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis*. Toronto: Harold Innis Foundation. pp. 13–50.
17. Kovalev, M.V. & Gruzinskaya, V.S. (2020) "Everyone was enormously impressed with the friendliness, hospitality and enthusiasm of the soviet scientists". The report, drawn up by Brenda Tripp, a representative of the British council in the USSR, on the visit of the British delegation to Moscow and Leningrad to celebrate the 220th anniversary of the Academy of Sciences of the Soviet Union. July 1945. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archives*. 4. pp. 87–107. (In Russian).
18. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 583.
19. Pavlova, G.E. (1974) 220 let Akademii nauk SSSR [220 years of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Studies in the History of Science and Technology*. 1 (46). pp. 21–25. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392
20. Kremontsov, N.L. (2003) Plody pobedy [Fruits of victory]. In: Kolchinskii, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises. Historical-comparative issues.]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 794–795.
21. Orel, V.M. (ed.) (1999) *Rossiyskaya Akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii* [The Russian Academy of Sciences: 275 years of service to Russia]. Moscow: Yanus-K. pp. 31–37.
22. Bykovskaya, G.A. & Makedonskaya, V.A. (2015) 220-letie Akademii Nauk: podvedenie itogov deyatelnosti v gody VOV [220th anniversary of the Academy of Sciences: summing up the results of activities during the Great Patriotic War]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Seriya "Sotsial'no-politicheskoe razvitiye rossiyskogo obshchestva"*. 2. pp. 19–24.
23. Gruzinskaya, V.S. (2020) Yubiley Akademii nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the mirror welcoming foreign addresses]. *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2. pp. 26–39.
24. Korzun, V.P. & Gruzinskaya, V.S. (2020) The 220th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the victorious 1945: A scenario of celebration in the sociocultural context of the era. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN journal of Russian history*. 2 (19). pp. 374–392. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392
25. Limanova, S.A. (2020) Pobednyy parad sovetskoy nauki [Victory parade of Soviet science]. *Rodina*. 6. pp. 122–125.
26. Korzun, V.P. & Kolevatsky, D.M. (2020) "Russians worship intelligence" (220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in the perception of a Canadian scientist). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 3 (162). pp. 207–219. (In Russian). DOI: 10.26907/2541-7738.2020.3.207-219
27. Kupershtokh, N.A. (2020) The image of science in the post-war world: anniversary meeting of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR in June 1945. *Vseobshchaya istoriya – Universal History*. 2. pp. 3–11. (In Russian). DOI: 10.25791/vseist.02.2020.1097
28. Ogurtsov, A.P. (1993) Nauchnyy diskurs: vlast' i kommunikatsiya (dopolnitel'nost' dvukh traditsiy) [Scientific discourse: power and communication (complementarity of two traditions)]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm>. (Accessed: 22.12.2020).
29. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 41.
30. Buxton, W. (2013) Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath. In: Buxton, W.J. (eds) *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations*. London: McGill-Queen's University Press Montreal. pp. 246–272.
31. USSR AS. (1947) *Yubileynaya sessiya AN SSSR 15 iyunya – 3 iyulya 1945 g.* [Anniversary Session of the USSR Academy of Sciences 15 June – 3 July 1945]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
32. Archive of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Aleksandar Belić Fund. File 14386-III/2154.
33. Archive of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Aleksandar Belić Fund. File 14386-III/2155.
34. Sorokina, M.Yu. (2005) Otkrytaya stsena, ili Dvukhsotletniy yubiley Akademii nauk [Open stage, or Bicentennial anniversary of the Academy of Sciences]. In: Kolchinskii, E. I. & Konashev, M.B. (eds) *Na perelome: Otechestvennaya nauka v kontse XX–XXI vv.* [On the Edge. Science in Russia at the end of XX–XXI centuries]. Vol. 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 206–235.
35. Korzun, V.P. (2020) Yubiley Akademii nauk v pervoy polovine XX veka: konstruirovaniye kommunikativnogo polya [Anniversaries of the Academy of Sciences in the first half of the twentieth century: designing a communication field]. In: Shipovalova, L.V. & Kasavin, I.T. (eds) *Nauka kak obshchestvennoye blago* [Science As a Public Good]. Vol. 5. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki. pp. 60–63.
36. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 581.
37. Korzun, V.P. (ed.) (2011) *Transformatsiya obraza sovetskoy istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoye desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1950-kh gg.* [Transformation of the image of Soviet historical science in the first post-war decade: the second half of the 1940s – mid-1950s]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 25 December 2020